Кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец.

ГОЛОС ПРАВОСЛАВИЯ

15 (272) АПРЕЛЬ 2002 ГОДА

Печатается по благословению Архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия

ОТКРОВЕНИЕ ВЕРЫ

Неумолимо движется время, приближая нас ко Второму Пришествию Христа. Экологические катастрофы, социальные конфликты и экономические неурядицы, пугая нас, свидетельствуют о неизлечимых болезнях мира. Какой бы мы ни налаживали порядок, какого бы материального благополучия ни достигали — неискоренимо зло в мире. Для скольких чутких сердец это главный повод для уныния и отчаяния! И как современный человек пытается избежать этих размышлений!

Живя в мире, мы не можем не чувствовать его обреченности. Что же делать? Не задумываться? Заглушать в себе это чувство?

Еще в начале века Альберт Швейцер в своей книге «Упадок и возрождение культуры» говорил, что бездумье стало главной формой и способом существования современного человека. Сейчас мы уже можем сказать, что создана целая культура оглушения себя, притупления и «обезболивания». Иначе можно сойти с ума, иначе невозможно жить, слышится со всех сторон. Возникают идеологии, построенные на отказе от интеллектуальной и духовной жизни, то есть от осмысления действительности и активного, творческого участия в ней. Идеология потребительского общества давно известна. Также давно известно, что человека она не может окончательно удовлетворить. Какая-то неистребимая, неутолимая жажда остается внутри. *«Духовной жаждою томим...»*.

Человек имеет драгоценный и мучительный дар живой души. Это сущность всей его человечности, не дающая успокоиться в одном животном счастье, а зовущая вечно ввысь, к горним радостям. Как часто этот дар противоречит земным инстинктам, наполняет жизнь бесконечной борьбой, исканием, тревогой! Трудно жить живым, легче жить «мертвым» — вот истинные корни атеизма. Религия — это всегда разговор о главном, о сущностном, о необходимом для души человеческой.

О религии, о вере, о христианстве нельзя говорить безлично. Мы привыкли рассуждать о том, чему учит христианство, что утверждает и что отвергает. Между тем вера по самой природе своей есть нечто глубоко личное, и только в личности и в личном опыте она живет по-настоящему. Общие рассуждения о вере, как общие рассуждения о любви, только тогда имеют смысл, когда сердце наше реально любит и хочет любовь эту сохранить и умножить. Только тогда, когда то или иное учение Церкви, тот или иной догмат, то есть утверждение некой истины, становятся МОЕЙ верой и моим опытом и, следовательно, главным содержанием моей жизни, — только тогда вера эта живет.

Если вглядеться и вдуматься в то, как совершается, если так можно выразиться, «передача веры» от одного человека к другому, то очевидно, что по-настоящему убеждает, вдохновляет и обращает именно личный опыт. В христианстве же — особенно, потому что христианская вера в глубине своей есть некая личная встреча нашей души со Христом, не принятие учения или догмата о Христе, а опыт узнавания Самого Христа.

Но возможно ли это? Возможно, если мы вспомним, что Бог есть Дух, как сказано в Евангелии от Иоанна. Всепроникающий и вездесущий Дух Божий может проникнуть и в нашу душу. Напомнить об этом важно, потому что зачастую многие пытаются свести разговор о вере и о религии к какому-то научному спору, «разбить» верующих научными аргументами, как если бы речь шла об объективно познаваемом явлении природы.

Окончание на стр. 2

С точки зрения позитивистской науки, жестко ограниченной действительностью материального мира, содержание веры недоказуемо. Это действительно так, ведь вера — явление духовное, а не материальное. Материальными средствами и способами ее нельзя познать. Но душа жаждущая и живая может хранить веру в себе как самую реальную реальность. Мы знаем реальность чувств и страстей человеческих. У нас не вызывает сомнения, что есть жадность, скупость, злоба, как есть и доброта, милость, любовь. Веру прежде всего следует соотносить с реальностью чувства, но чувства не эмоционально-душевного, а духовного, чувства истины, которое также присуще человеку.

Веру нельзя доказать — о ней можно рассказать и ее невольно показать. Таким свидетельством веры и является, в сущности, Евангелие. В нем отражен опыт встречи со Христом конкретных людей. Все Евангелия передают откровение Божие через личное восприятие их авторов. Поэтому-то оно и волнует душу. В человеке есть уже некоторые предпосылки веры, и прежде всего есть живое сердце, реагирующее, сопереживающее, ищущее истины и любви. К нему-то и обращено Евангелие.

Сегодня стало уже банальностью говорить о нашем веке как о холодном и жестоком. Но вспомним, что и Пушкин говорил: *«...в мой жестокий век...»*. Видимо, это не только показатель нашего времени, но и некое ощущение холодности и жестокости самого закона этого мира. Сердце человеческое в своей малости все-таки противостоит ему. У сотен тысяч людей есть этот не сравнимый ни с чем опыт духовного преемства веры. В сущности, вера и состоит в таинственной уверенности, что все, что сделал и сказал Господь Иисус Христос, имеет для нас решающее значение, так как мы чувствуем, что Он не отделен от нас веками, пространством, ничем, кроме нашего маловерия и наших измен Ему.

Что значат слова «я верю в Бога»? Это не просто знание, что Бог есть. Знание не зависит всецело от нас и нашей воли. Мы знаем, например, что в комнате стоит стол, что за окном идет дождь, — эти и множество других «объективных знаний» входят в наше сознание помимо нашей воли и выбора. Когда же мы говорим — «верю в Бога», то в этом есть участие всего нашего существа. Вера есть и мое действие, а не только мои убеждения и мировоззрение. Много людей обращается к Богу в страхе, в несчастье, в страдании, но проходят минуты скорби, и люди возвращаются к обычной своей жизни, никакого отношения к вере не имеющей.

Еще больше людей верит не столько в Бога, сколько в религию. Им хорошо и успокоительно, уютно в храме, многие из них просто привыкли к «священности» храма и обрядов. Все здесь красиво, глубоко таинственно, не то что в уродливом повседневном злом мире. Многие люди держатся за эту религиозность, даже не чувствуя, что стремятся не к Богу, а к своим хорошим и чистым переживаниям. Кроме того, никакого соединения веры и жизни тут не происходит.

Наконец, есть еще одна категория людей, которые считают, что религия полезна и нужна для человеческого общества, для нации, семьи, для детей, для поддержания честности и морали.

Итак, религия как помощь и утешение, религия как некое удовольствие от возвышенного и религия как польза — вот наиболее распространенные в обществе представления о вере. А между тем апостол Павел на заре христианства сказал: *«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»* (Евр. 11, 1). Вдумаемся в эти странные, противоречивые слова. Если я чего-то ожидаю, то оно еще не осуществилось, иначе нечего было бы ожидать. И как может невидимое — то есть то, что нельзя проверить — вызвать во мне уверенность? А между тем именно так Апостол определял веру. Заметим прежде всего, что в этом определении нет слова «Бог». Тут говорится о вере как о присущем человеку особенном состоянии, о некоем даре, которым он обладает.

Что же это за дар? На вопрос этот можно бы ответить так: стремление, тяга, ожидание чего-то желанного, предчувствие чего-то иного, для чего только и стоит жить. Вспомним слова известного французского писателя Жана Поля Сартра, который придерживался одно время атеистических взглядов. «Человек есть бесполезная страсть», — сказал он. Человек вечно стремится, жаждет, а на деле ему некуда стремиться, нечего жаждать и ожидать — вот его позиция, отражающая взгляды не одного поколения европейцев. Апостол же Павел говорит, что **вера есть знание, встреча с тем, чего человек ожидает.** И в этой встрече невидимое становится уверенностью, то есть личным опытом, реальностью.

В христианском опыте вера есть не умствование только и не просто религиозная эмоция; вера есть встреча самого глубинного в человеке, духовной жажды, с тем, на что эта жажда направлена, с Богом. И вот тут следует остановиться на источнике веры. Где он? В самом ли человеке? Нет, конечно, инициатива веры принадлежит Самому Богу. Он зовет.

Наша вера есть ответ, ответное движение не только души, но и всего человеческого существа, вдруг узревшего Истину. Вспоминаются здесь слова Паскаля: Бог говорит нам: *«ты не искал бы Меня, если бы уже не нашел»*. И еще одна цитата — совсем как будто из другой области, но по сути о том же. Это слова М. Цветаевой из статьи «Искусство при свете совести»:

«Поэт есть ответ». Никто, кроме него, не слышал вопроса, но он принял его и отвечает. Но ведь каждый человек, не убивший свою душу, — поэт.

И вот мы подходим к центральному для христианства вопросу — к понятию откровения. Бог Сам открывается человеку, человек принимает Его откровение, отвечает на него. Вот почему нет и не может быть «доказательств» веры, она — мистический, таинственный диалог Бога и человека.

«Я говорю с Богом», — может сказать верующий. Неверующий может его просто не понять. Но Библия буквально наполнена такими выражениями: «И сказал Бог Аврааму...»; «...и сказал Бог Моисею...» Как же их понимать?

С точки зрения позитивистской науки, это необъяснимое явление. Но если освободиться от стереотипов, предельно упрощающих мир, и посмотреть непредвзято, то мы должны будем засвидетельствовать, что вся история человечества есть история откровений, будь то откровения духовной жизни, искусства или науки. Познание жизни не может двигаться никаким другим путем, кроме пути откровения. Христианство же говорит, что откровение — это не просто чудесно полученное знание, а прежде всего явление, засвидетельствованное духовным опытом человечества. Не идея откровения, а опыт откровения в человечестве несомненен.

С первобытных времен люди осознавали себя живущими не только в чисто физическом, но и в духовном мире, во взаимодействии с ним. Человек всегда чувствовал Бога, он находил Его всегда и всюду. Можно было бы сказать, что «откровение» есть чувство и опыт присутствия во всем внешнем и видимом чего-то внутреннего и невидимого.

Откровение — это не исключение из правил жизни, а некий первичный закон, который можно было бы назвать законом «религиозной сущности человека». Но, конечно,

этим «природным» откровением, этим свойственным человеку «религиозным чувством» не исчерпывается христианство. Природное откровение становится верой, откровением Бога.

Бога никто никогда не видел, сказано в Библии. И важно понять, что в библейских рассказах не может идти речь о «физических» явлениях Бога, духовное же присутствие Его неопровержимо. В книге Бытия читаем: *«И пошел Авраам, как сказал ему Господь»* (Быт. 12, 4). Ясно, что только откровение веры позволило совершиться этому. Мы никогда не узнаем точно, что произошло в тот день, когда Авраам принял свое судьбоносное решение; как сказано, «поверил Богу», бросил все и ушел в чужую страну и начал этим новый ряд событий, приведших человечество ко Христу.

Мы никогда не узнаем точно и о Моисее. Повинуясь все тому же Божественному наитию, он поднялся на гору Синай и спустился, неся людям заповеди Божии, вечные законы жизни человеческого общества. Мы знаем, что и Авраам, и Моисей, и еще многие за ними были призваны Богом и ответили на этот призыв верой и послушанием.

Вот что еще важно: действия их были совершенно свободными. Откровение не может никого принудить, но только призывает изнутри человеческого чувства. Авраам поверил, но мог и не поверить. Моисей послушался, но мог и не послушаться. Важно понять, что прославленные святые реально совершали внутренний свободный выбор, который и приводил их к откровению веры.

А что же мы? Мы, кажется, так далеки от всего этого. Как нам услышать и принять откровение веры? Может быть, сейчас нам больше всего нужно освободить самих себя от всего, что мешает свободе, от уродливых идеологических напластований, от навыков нечистоплотной общественной жизни, от умственной лени, сковывающей душу и сердце. Стать свободным, чтобы суметь услышать и принять Бога. Но путь самоосвобождения непрост. Это вовсе не революция, а эволюция, точнее, возведение, «строительство» себя с Божией помощью.

Л. Сурова

СВОБОДА ВОЛИ

Верить или не верить?

Такое духовное состояние может быть или очень редко, или же этот вопрос может ставиться многократно.

Такое состояние действительно бывает: это говорит нам опыт. Вот, кажется, все доказано «за» веру. И вдруг встанет вопрос: «да так ли»? И тогда все наши «доказательства» окажутся малодейственными. Между тем вопрос этот так или иначе нужно решить: оставаться в недоумении или быть "агностиком" долго нельзя; это было бы мучительно.

Вот в таком состоянии и есть еще последний выход: это — наша свободная воля, свободное избрание решения.

Это мы свидетельствуем на основании опыта, а к нему присоединим и богословские наши мысли, чувства, пережитые нами, или — тоже переживания. Но они являются уже после факта переживания: объяснения его приходят уже потом. Вот что переживалось нами.

Человек останавливается на перепутье: да или нет? Уверую или «не знаю»? До конца убеждающих данных будто нет!

И мы думаем: так именно и бывает, так именно даже и должно быть в конце концов! Почему?

«Доказательность» — принудительна. Тут уже выбора нет, наша свободная воля здесь не участвует: следовательно, нет и добродетели, «заслуги» нашей. Нет, далее, и милости Божией, нет и окончательного «откровения» Божия, или Самого Бога нам. И мы остаемся — «сами с собою», со своим «умом», с фактами, даже — с опытом. Что же остается делать?

Вот тут и вступает в действие наша «свободная воля». Каким образом?

Она не видит «принудительных», обязательных «доказательств» ни в ту, ни в другую сторону. Или, во всяком случае, «не видит» или «не чувствует» абсолютного аргумента в пользу веры. Или просто: после всех, даже убедительных, доказательств становится этот вопрос: а так ли? Возражений никаких нет, но так ли?

Вот в таком состоянии и потребуется решение свободного выбора: «верую»!

Человек — помимо всяких принудительных «доказательств» или каких бы то ни было «соображений» (о целесообразности, практичности, даже фактичности) — определяет себя — к «верую».

И мы это говорим: «Да»! Это действительно так и бывайте. Это и должно быть. И вот почему. Прежде всего это требует Величие Божие.

То есть: Господь Сам свободен и потому желает и свободного изволения от нас. А иное отношение к нам было бы недостойно Его Величия. И потому всякие принудительные условия веры являются, — хотя бы в самом тонком виде, — собственно, так сказать, «насилием». Это-то и является грехом нашим против Бога (т.е. когда мы добиваемся так или иначе — «осязать» Его, будто Он в нашей вере в Него нуждается. Человек тогда ставит себя в положение старшего, коему Бог должен служить!).

И хотя Он действительно «служит» Нам, окаянным, т. е. всемерно «старается» спасать нас, даже Сына Единородного послал ради нас, и Спаситель унизился ради нас до воплощения и распятия, но это Его воля и любовь; мы же не имеем ни права, ни желания побуждать Господа служить нам: это — дерзость! Мы должны служить Ему. И в частности, самая вера наша должна быть даром и обязанностью, послушанием и счастьем — для нас в отношении к Богу, а никак какою-либо нашею услугою Ему!

В этом смысле и сказано: «Величие Божие». Может быть, кому-либо трудно уразуметь такой мотив нашего действования, но это действительно есть и так бывает. И опытному это совершенно ясно: вера есть свободное отношение к Богу.

Далее. Этого же требует и достоинство человека. Если бы мы веровали только по «доказательствам», а не и по свободному нашему самоопределению, тогда такая вера была бы делом принуждения, т. е. актом, в сущности, не свободным, а вынужденным.

А люди, которые требуют «научной» веры или неверия (это все равно), в сущности, ставят себя в рабское положение к «уму», отказываются от свободного выбора, т. е. отказываются от своего достоинства. А этого не хочет и Господь от нас, ибо Он любит Свое творение и желает ему богоподобного состояния свободы и достоинства. После Он будет помогать нам, но именно — лишь «помогать»; и то, если мы сами хотим и просим Его, — а не господствовать, не принуждать нас.

Затем. Да если бы мы и дошли до такой принудительной (от ума) веры, она еще не только не угодна Богу, — но и непрочна.

Всякие «доказательства» могут в любой момент ослабеть; и тогда человек снова станет пред вопро-

сом: есть ли? И тут «доказательства» не имеют абсолютной силы, не говоря уж о невысоком достоинстве их. Иное дело — свободное самоопределение: тут уже наше решение было и есть твердо, не боящееся никаких сомнений и не требующее никаких «доказательств»; «хочу» — и этого совершенно достаточно. А свободное решение — в нашей власти.

Потом. Наоборот, наше самоопределение свободно подчиняет нас Богу; и тогда Он Своею благодатию укрепляет нас: это — несравнимо с нашей слабостью. Слава Богу и за самую эту слабость: она побудила искать всесильной Руки Божией! В этом смысле и весь Ветхий Завет, — как у язычников, так и иудеев, — был детоводителем (по-славянски: пестуном, воспитателем) к благодати Нового Завета (Ин. 1, 1—17; Рим. 1—8 гл. Галатам, Ефесянам, Титу, Евреям). Не познаешь греха, не будешь искать и Спасителя. И тогда вера поддерживается даром Божиим (Ефес. 2, 8). Мы не прочны; но сильна благодать Божьей помощи.

После этого ответно-благодатного укрепления нас Богом мы отдаемся в послушание Богу, передаемся «пестуном» детоводителю Отцу (Галат. 4, 1—9), в каковом и остаемся уже всегда. И это послушание, — свободное и постоянное, — держит нас в руке Божией, в уповании на Бога, а не на себя, ни на какие человеческие соображения.

Так сочетаются свобода Божия со свободою человеческой. Комунибудь это сочетание покажется странным и будто бы даже противоречивым, но на самом деле — это воистину так! «Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17). «К свободе призваны вы...» (Гал. 5, 13).

И, собственно, свободны не самовольники, а послушные. Свободны святые, а не грешники; у нас же идет непрерывная борьба за эту истинную свободу — чрез послушание Богу! И собственно здесь разрешается вечный спор: свободен ли человек или нет? Да, мы, грешные, не можем быть свободными, ибо страсти наши господствуют над нами. И только по мере освобождения нас от них — растет и свобода наша. Послушные несравненно свободнее самовольных. А святые — уж совсем свободны, сколь возможно человеку. А вполне свободен только один Бог.

Короче и проще сказать: смирение дает свободу. Это — очевидный факт опыта! Гордый же — раб себя самого, хотя воображает, что он-то и есть свободный. И смирение — угодно Господу. И нас оно делает свободным.

Потому и вера есть смирение, — говорит св. Варсануфий Великий. Неверие же — рабство. Люди думают совсем наоборот. И так необходимо. Как мы уже многократно видели это, наша воля, наши страсти, наши греховные влечения делают нас рабами: рабами и в жизни, рабами и в сознании. Евреи воображали себя свободными потому, что они — потомки Авраама. А Господь говорил им: *«Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха»* (Ин. 8, 34).

«Неужели вы не знаете, — пишет ап. Павел, — *что, кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы...»* (Рим. 6, 16).

И люди, стремящиеся к ложной свободе, *«произнося надутое пустословие»*, *«обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб»* (2 Петр. 2, 18, 19). И тот же ап. Павел говорит еще, что иногда мы словами говорим, будто «свободные», но на самом деле «употребляли свободу для прикрытия зла», а не «как рабы Божии» (1 Петр. 2, 16).

Приведем два примера. Первый и самый главный — это Господь Христос. Он пришел на землю по добровольному послушанию Отцу Небесному: *«Вот, иду ... исполнить волю Твою, Боже»* (Евр. 10, 7, 9). И в жизни Своей в мире этом Он исполнял волю Отца: *«Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца»* (Ин. 6, 38). И к этому же Он звал и верующих: *«Познаете истину, и истина сделает вас свободными»* (Ин. 8,32). А истина — Сам Христос: *«Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете»* (Ин. 8, 36). *«Я есмь путь и истина и жизнь»* (Ин. 14, 6).

И нам следует идти по этому же пути, который есть истинен и единый, освобождающий нас.

Второй и поразительный пример этой истины и свободы мы видим в Пресвятой Деве.

Когда Архангел Гавриил возвестил Ей благовещение о рождении от Нее Сына и Бога, то она задала только один вопрос: как останется Она девой? Но ведь гораздо важнее и непостижимее был вопрос о том, как Бог — Дух может воплотиться от Нее? И однако, несмотря на совершеннейшую непостижимость этого, Она ответила ему: *«Се раба Господня! Буди мне по слову Твоему»*. Какая вера! Какое свободное согласие! Дивное дело! Вот нам пример!

Так и всякий, уверовавший в Бога по своей свободной воле, сподобляется дивной помощи Божией: и в вере, и в жизни. И этот путь есть самый достойный, самый простой, самый краткий и самый действенный способ истинной веры.

Конечно, это не значит, что все остальные способы не могут иметь значения: они и помогают нам. Но этот путь свободного самоопределения к вере есть наилучший. Скажем с верою и мы с апостолами Господу: *«умножь в нас веру!»* (Лк. 17, 5).

Митрополит Вениамин (Федченков)

О ПУТЯХ ВЕРЫ

Эта беседа должна быть вступлением в обмен мнениями, в разговор, потому что мы все друг друга знаем мало. Некоторые из вас, конечно, очень близко связаны с другими, а некоторые совсем друг друга не знают; и я думаю, очень важно, чтобы мы общались и обогащали друг друга и знанием, и, главным образом, опытом, и еще, может быть, больше — вопросами, которые у нас есть.

Я хочу сказать нечто о вопросах. Очень важно, чтобы мы перед собой ставили честно и со всей доступной нам правдивостью те вопросы, которые перед нами ставит и наша вера, и наша церковность, и наша жизнь в современном мире. Я делаю различие между этими тремя вещами, потому что наша вера заключается в том глубинном общении с Богом, которое покоится либо на жажде, на голоде, который живет в нас, либо на непосредственной уверенности и знании о Нем через общение, через приобщенность. Церковность же, с одной стороны, расширяет нашу личную веру, наш опыт о Боге, о тайне бытия, но, с другой стороны, она ставит перед нами вопросы, потому что Церковь в своем существе — одно, а Церковь, какой мы ее видим, испытываем, которой мы являемся — другое.

С одной стороны, мы говорим о Церкви как о Теле Христовом, о том месте, где пребывает Дух Святой, говорим, употребляя слова апостола Павла, об обществе святых, т. е. людей, которые всецело, до конца себя Богу отдали и посвятили. Но с другой стороны, мы все сознаем, и лично и коллективно, что мы грешники, что мы очень далеки от Бога и очень мало похожи на Христа, Который должен быть прообразом всякого христианина. Он Сам нам говорит: *Я вам дал пример, следуйте ему*... И в этом отношении, святой Ефрем Сирин писал, что Церковь это не общество торжествующих святых, это толпа кающихся грешников... Но разница между теми грешниками, которые составляют Церковь, и теми грешниками, которые Богу чужды, определяется именно этим словом «кающиеся». Грешник — это человек, который душой болит о своем отчуждении от Бога, душой болит о том разладе, который царит в нем между всеми силами души и тела, душой болит о том разладе, который существует между ним и его ближними, начиная с самых близких и кончая далекими. И покаяние не заключается только в этом внутреннем глубоком переживании скорби, но также в обращенности к Богу. Скорбеть о себе, об обществе, о своем сиротстве в мире может каждый, но только верующий в Бога может силой этого чувства обратиться к Живому Богу, зная, что Богом он сотворен, что Богом он любим, что Бог воплотился, стал Человеком для того, чтобы нас спасти — жизнью, учением и смертью и, конечно, Своим Воскресением; и что когда Бог нас зовет быть полностью человеком, Он не говорит о том, чтобы мы были «как можно лучше», Он говорит о чем-то совершенно ином. Святой Иоанн Златоуст советует: если вы хотите узнать, что такое человек, не поднимайте глаз к престолам царей и вельмож; вознеситесь взором к Престолу Божию, и вы увидите Человека, сидящего во славе... Единственный Человек, Который полностью, совершенно *Человек*, это Господь Иисус Христос, потому что в Нем *полнота Божества обитала телесно*, потому что сама Его телесность пронизана Божеством, потому что Он Бого-Человек; и *это* — наше призвание.

Вот куда нас должно вести покаяние, куда наш взор должен быть обращен. И мы должны на этом пути ставить перед собой вопросы, которые рождаются из нашей веры, из нашей церковности, из нашего соучастия со всеми тварями в жизни сотворенного Богом мира: человеческого и вещественного, мира, за который мы ответственны перед Богом.

Бояться вопросов — нельзя; закрывать на них глаза — значит только разрушить наше настоящее и погубить наше будущее. Но почасту в одиночку мы не можем решать те вопросы, которые рождаются у нас в душе или которые рождаются от опыта жизни среди людей и в том мире, в котором мы живем. Вот почему я говорил вначале, что нам надо в этих встречах общаться, ставить перед всеми те глубинные и основные вопросы о вере, о жизни, которые перед каждым из нас встают. И, может быть, можно бы так сказать: не только вопросы о вере, но о нашем неверии, о наших колебаниях, о нашем искании, о нашей растерянности, о нашей неправде житейской. (Я сейчас не призываю никого исповедоваться перед всеми; но вопросы эти имеют общее, универсальное значение).

И вот первый вопрос, который я хотел бы сейчас поставить — **но только поставить**, потому что я хотел бы, чтобы на него вы отвечали более полно, чем я собираюсь это сделать, это вопрос о том, как человек делается верующим? Почему?

Первое, что я хотел бы отметить: Бога никто выдумать не может. Можно выдумать идолов, можно выдумывать чудовищ, которые собой представляют человека, не ограниченного ничем ни в добре, ни во зле; но Того Бога, Который касается глубин души, Который может душу взволновать и наполнить, выдумать невозможно. И всякий человек, который говорит, что он познал Бога в какой бы то ни было мере, в какой бы то ни было форме — это человек, который коснулся *края ризы* Божественной, человек, которому Господь открылся, может быть, неуловимо, но открылся.

Второе, что я хочу сказать: вера наша, если она вырастет в реальность, должна начаться с голода, с тоски, с искания или с чуда встречи. Архиепископ Кентерберийский Рамзей в одной из своих проповедей сказал, что в каждом человеке есть такая глубина, такой простор, который ничто не может заполнить; такой

простор и такая глубина, которые могут быть заполнены только Божиим присутствием. В эту глубину, в эту бездонность мы можем кидать все, что земля может дать: и знание, и красоту, и живые чувства; и вместе с этим душа наша никогда не бывает до конца удовлетворена, — остается голод, тоска, желание. И это сознание многих пугает; многие, ощущая в себе эти различные чувства (может, и другие, которые я не назвал), стараются заглушить этот голод, забыться, сузить свою внутреннюю емкость, измельчать, если нужно — только бы не раскрыться так, чтобы денно и нощно **кричать** о своей тоске, о своей растерянности и голоде. А на самом деле, это, возможно, самое драгоценное состояние, какое может у нас быть, потому что только от этого чувства и от осознанности этого чувства может родиться настоящее, серьезное подвижническое искание того, без чего **жить** нельзя, а не только искание того, с чем жить было бы легче или удовлетворительнее и приятнее. Такой голод вызывает в душе человека сознание, что чем угодно можно поступиться для того только, чтобы найти то — или Того, Кого душа ищет, Единственного Того, Кто может заполнить, исполнить, преобразить душу, тело, все существо.

Бывает, что человек, в результате этого голода и узнав о Христе, услышав о Нем (помните слова апостола Павла: *вера от слышания, а слышание от слова Божия*), учуяв: Да! в этом есть такая правда, такая красота, такой строй! — идет и ищет крещения. И справедливо это крещение ему дается в ответ на голод, в ответ на сознание, что **только** тут можно найти жизнь. Но крещение — не магическое действие; это не такое действие, которое непременно должно снять тоску, и голод, и искание. Приобщенность ко Христу бывает различная. Апостол Павел в 6-й главе Послания к римлянам говорит, что, погружаясь в воды крещения, *мы умираем со Христом* и восстаем с Ним к новой жизни. И в другом месте он говорит, что мы носим в теле нашем *мертвость Господа Иисуса Христа*. И вот бывает, что человек ощущает преимущественно свою приобщенность к мертвости, к распятию, ко кресту, к трагедии воплощенного Богочеловека. А бывает, что, наоборот, он переживает как бы обратное: умерев, он воскресает и живет этим сознанием воскрешенности. Но и тот, и другой приобщены ко Христу равно, хотя различно. Это не значит, что тот, кто приобщен ко Христу трагично, не соучастник Его Воскресения; человек, который не соединился со Христом, не может быть в такой мере, с такой острой чистотой быть приобщенным крестной смерти и крестному пути Господню. Это один путь, и многие этим путем идут; идут те, которые ищут того, что уже нашли, которые ищут **полной** приобщенности, не отдавая себе отчета, что, по милости Божией, они приобщены самой сердцевине тайны Христа: спасительным Его страданиям...

Бывает, что вера приобретается иным путем. Мы все знаем рассказ об обращении апостола Павла; но к обращению апостола Павла есть некая и предыстория. Как верующий иудей, он всецело, всей силой потрясающей своей души принадлежал Богу, хотел служить Ему единому, не шел ни на какие сделки или компромиссы, всецело и до конца хотел быть Божиим слугой и поклоняться Ему жизнью и смертью своей. И только потому что он был таков, мог Христос стать перед ним во славе Своего Воскресения, и **только** потому что он был таков, мог он **узнать** в этом видении Христа, а не усомниться: не привидение ли это?.. Есть люди, которые и в наше время таким или подобным образом находят веру.

Есть еще другой путь. Есть люди, которых Господь взыскал из глубины отчаяния; люди разного возраста, разных путей жизни, которые Бога не имели, которые никогда не встречали Бога, но которые встретили лицом к лицу жизнь: жизнь с ее богатством, жизнь с ее убожеством, жизнь со страданием и с радостью, — и которые не были поражены злом, но не могли быть удовлетворены и тем относительным добром, какое несет в себе жизнь без Бога; и которые дошли до такого предела, когда осознали, что они **не могут** продолжать жить, если нет предельного, всеконечного смысла в жизни. Таких тоже взыскивает Господь.

Поэтому нет такого пути человеческой души, нет такой стези, по которой человек идет, где бы он не мог встретить Бога или, скажу даже, мог бы Его не встретить. Но встретить Бога и **узнать** Бога можно только из глубин истосковавшейся, жаждущей души. И этого мы боимся; мы боимся раскрыться внутреннему голоду и внутренней тоске, мы **боимся** заглянуть в себя и увидеть: какая бездна пустоты!.. Мы боимся: а вдруг эту пустоту ничто не может заполнить?!. И вот тут вера, которая, как говорится в начале 11-й главы Послания к евреям, есть *уверенность в невидимом*, делается не только уверенностью, но и **верностью**: верностью своему исканию, верностью тому зову, который звучит из самых недр и глубин человека. И если такая уверенность в себе самом, в пустоте, в голоде, в нужде, в тоске и, значит, в том, что не может не быть того, что исполнит все это смыслом и содержанием, — если такая вера делается верностью, если вера расцветает в подвиг: в подвиг верности через молитву, в подвиг верности через хранение заповедей жизни, тогда человек находит веру все глубже, и раскрывается его душа, как говорит Максим Исповедник, до пределов бесконечности.

И вот вопрос, который я хочу поставить сейчас перед вами, — вопрос очень личный. Я хочу сказать: есть ли среди вас человек или несколько, которые готовы сказать, каким образом они уверовали, каким путем Бог их привел к вере? Что случилось в их жизни и в душе решительного, решающего, что сделало из них верующих людей? Вот вопрос, который я хочу сейчас вам поставить. Если окажется, что никто из нас не может ничего об этом сказать — помолчим вместе, подумаем каждый о тех людях, которых мы встречаем и которые являются людьми веры. Откуда она у них? Как они могли вырасти в такую изумительную красоту и в такое величие? И когда мы разойдемся, унесем с собой этот вопрос, который я ставлю перед каждым из вас: Верую ли я? В какой мере?.. Господи, верую! Помоги моему неверию!.. Неверие свое легко найти — но где моя вера? На чем она покоится? Из чего она родилась?.. Поставим себе эти вопросы, потому что, как апостол Петр нас учит, мы призваны уметь дать отчет о нашей вере каждому человеку, который этого потребует, кому нужен свидетель, способный сказать: Да! не бойся, — то, чего ты ищешь, о чем мечтаешь — реально; я могу с достоверностью сказать: «Я **знаю**, что это правда».

Мы посланы в мир для того, чтобы перед этим миром быть свидетелями. Можем ли мы быть свидетелями, если сами не сознаем своей веры, если мы не можем сказать человеку: я прошел тем же путем, и я тебе укажу хоть первые шаги на этом пути... Недостаточно быть верующим, — надо научиться давать. Никто большей любви не имеет, как тот, который душу свою, жизнь свою положит за другого. Это — предел; а до этого? — до этого первые шаги: протянутая рука, живое слово, и готовность, хотя бы даже со страхом в душе, засвидетельствовать правду Божию, Божию любовь, Божию святость...

Митрополит Сурожский Антоний

О ВЕРЕ И НЕВЕРИИ

Беседа с иеромонахом Димитрием (Байбаковым), настоятелем храма Святого Целителя Пантелеимона

- Что такое вера? Может ли человек жить без веры?

- Может ли человек прожить без веры? Может ли младенец не верить материнской груди? Можем ли мы не верить своим близким, тем, кого любим? Можем ли мы не верить себе? Нет, без веры человек делается бесплодным, беспомощным, если хотите — несвободным. По-видимому, вера как таковая является одной из главных установок личности, тем стержнем, который пронизывает всю человеческую жизнь.

Наверное, будет уместно напомнить, что сам термин «вера» употребляется в Ветхом Завете в смысле «устойчивости», то есть все же передает определенное качество человека. Соответственно неверие можно определить, как противоположную установку человеческой личности, которую определяет отрицание, скепсис, сомнение. И вот эти две противоположные установки на веру или неверие формируются, как это ни странно, по двум одинаковым механизмам: рациональному — то, что принято относить к сфере разума, фактов, личного опыта; и иррациональному — то есть берущему начало не в собственном опыте, собственных чувствах, а основанному на эмоциональном подчинении чему-то внешнему.

Чтобы ответить на вопрос о возможности жизни без веры, давайте попробуем смоделировать такую ситуацию, тем более, что это несложно, ведь она вокруг нас: все больше людей чувствуют себя запутавшимися. Запутавшимися во всем — в работе, в политике, в морали. Люди ничему не верят. Такое пассивное и иррациональное неверие превращает людей в автоматы; в разобщенных, сбитых с толку, бессильных людей-роботов. Причем эта запутанность воспринимается уже как нормальное состояние, хотя таковым, конечно, не является. Кстати, крайней формой иррационального сомнения можно считать навязчивое невротическое сомнение, когда человек не может решить, какой костюм надеть, идти куда-то или нет, и т.д. Это уже не просто личностное, а болезненное состояние, нуждающееся в лечении.

В противоположность иррациональному неверию, сомнение рациональное ставит под вопрос то, что человек лично не пережил, это неверие в навязываемые извне взгляды и, опять же, установки. Какова роль такого неверия? Такое неверие развивает личность, такое неверие является одной из главных движущих сил здорового мышления и в конечном итоге ведет к формированию веры. Вот две стороны: порабощение и развитие, возрастание. А вера? Вот посмотрите на крайний пример иррациональной веры — ситуация гипноза. Человек отдает себя во власть авторитета другого человека, он готов думать, чувствовать то, что велит ему гипнотизер. А полугипнотическая реакция людей на личность лидера? Ведь безоговорочное признание его идей обусловлено не раздумьем, не критической оценкой, а эмоциональным подчинением оратору, его авторите-

ту, его способности к убеждению, то есть, опять же — внушению. Гитлер, например.

Можно найти примеры и в сегодняшнем дне.

Эта вера в вождя — пожалуй, самый поразительный феномен иррациональной веры. Я никогда не забуду, как на одной встрече с жертвами политических репрессий пожилая женщина рассказывала о своей судьбе, о том, как ее, восемнадцатилетнюю девочку, отправили на Колыму только за то, что ее отец — враг народа. Судья еще иронично показал это место на карте — вон, мол, куда. А она только ответила: «Для любимой Родины нигде трудиться не в тягость». Вот такая фанатическая установка, коренящаяся в подчинении внушенному авторитету Партии, Вождя.

И, наконец, рациональная вера. Она коренится не в давлении авторитета или большинства, а в собственной, разумной, основанной на опыте и наблюдении, убежденности. Такая вера плодотворна, она творит, она обладает даром позитивной деятельности. Не пассивного ожидания, а именно деятельности. Такая вера граничит, если хотите, со знанием. Таким образом, и здесь у медали две стороны: порабощение и развитие.

Что представляет из себя религиозная вера? Она может быть и иррациональной, слепой, бездумной; верой — как костылем в неверии; и может быть верой рациональной, осмысленной, пропущенной через сердце, а не взятой напрокат. Гармоничной жизнь человека без веры стать не может. Но решающим является вопрос: будет ли это иррациональная вера в вождей, машины, успех — или вера рациональная, основанная на опыте нашей собственной жизни.

- Что заслуживает веры? Есть ли какой-то критерий: во что верить можно и во что не следует?

- Не хочу воздействовать как-то своим авторитетом. К такому выводу каждый должен прийти сам за себя, сам для себя и только своим путем. Но я твердо убежден в том, что если человек освободится от иррационального неверия, если он вооружится рациональным сомнением, если он не опустится до иррациональной веры, то он неизбежно придет к рациональной вере в Бога. Как это ни странно, именно она наиболее близка к знанию. Меня вообще смущает контекст употребления этого выражения: верить в Бога. Чаще всего оно ставится где-то между верой в НЛО и верой в светлое будущее. А ведь действительно верующий человек не просто верит, что Бог есть. Он знает, что Бог есть. Это его личный опыт, опыт Богопознания. И такой, если хотите, эксперимент, стал переломным в жизни многих людей. Нужно попробовать не становиться слепо на чью-то сторону, а встать на позицию нейтральную и выполнить следующие три условия.

Во-первых: активно искать истину, стремиться к ней, искать смысл жизни.

Во-вторых: нравственно совершенствовать себя.

И в-третьих: приобщаться к жизни церковной.

Вот такой несложный, доступный каждому, опыт Богопознания. Но если мы поставили опыт, то его результат будет просто верой или все же знанием? А когда Богопознание перерастает в то, что является сущностью всей религии — Богообщение? Религия намного глубже, чем то представление о ней, которое прочно внедрено в общественное сознание. Что же до критериев, то, как говорил кто-то из великих: «Время, время — лучший ценитель работы!» Время и — смерть, конечная точка нашего земного бытия.

Мне вспоминается рассказ об одном пожилом человеке, который пришел к священнику и поделился такими сомнениями: вот, батюшка, я всю жизнь прожил честно. Не убил никого, не украл ничего, не обманывал, не завидовал, всегда старался помочь своим ближним. А вдруг умру я — а там ничего нет? Значит, я зря делал добро?

Что заслуживает веры? То, что не обесценивается смертью.

- Вера и знание. Не противоречат ли они все-таки друг другу?

- Отчасти я уже ответил на этот вопрос. Суррогаты веры действительно могут быть иррациональны. Но подлинная вера ни в коей мере не противоречит знанию, не противоречит науке. Вот что писал об этом М. В. Ломоносов: «Наука и религия — суть родные сестры, дети Всевышнего Родителя. Они никогда между собою в распрю прийти не могут. Разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрствования на них вражду всклеплет. Наука и вера взаимно дополняют и подкрепляют друг друга». И его же слова: «Не здраво рассуждает математик, если он хочет Божественную волю вымерять циркулем. Таков же и богословия учитель, если он думает, что по Псалтири научиться можно астрономии или химии». Можно привести слова Галилея о том, что «Библия учит нас не тому, как движется небо, а тому, как нам взойти на небо».

Можно привести слова Эрстеда о том, что «всякое основательное знание природы ведет к признанию Бога». Но эти мнения авторитетов могут вызвать к жизни лишь иррациональную веру.

Поэтому пусть каждый сам основательно познает природу, ищет истину, нравственно преображается, приобщается к жизни Церкви и так приходит к познанию Бога.

Счастья вам на этом пути.

Митрополит Антоний Сурожский:

«...Человек достигает настоящей веры с помощью благодати Божией...»

Является ли верой только живое общение с Богом, опыт общения или вера по слову, скажем, проповеди апостолов, еще без опыта, а просто по доверию их словам? Можно ли это тоже считать верой?

И да, и нет, я думаю. Апостол Павел говорит, что убедительность апостольской проповеди не в хитросплетенности философских аргументов, а в проявлении силы Духа Божия. То, что, вероятно, поражало людей во Христе и (конечно, в меньшей мере) в апостолах: слова, которые ими говорились, пробуждали в людях вечную жизнь. Есть место в Евангелии, где Христос говорит толпе, и слова Его кажутся жесткими, трудными, и почти все люди отходят. Спаситель обращается к Своим ученикам и говорит: *Не хотите ли вы тоже уйти от Меня?..* И апостол Петр Ему отвечает: Куда нам идти?! *У Тебя слова вечной жизни...* Но если вы прочтете Евангелие, вы увидите, что Христос, в общем, нигде не говорит о «вечной жизни» как таковой: не описывает ее, не дает никаких картин или представлений. Апостол Петр имел в виду, что, когда Христос говорил с ними, Он трогал где-то в недрах их души все, что способно к вечной жизни; эта жизнь вечная рождалась в них от живого Христова слова. Вероятно, и апостолы так говорили: они говорили о том, что знали, с такой глубиной, с такой силой, с такой уверенностью, что эта уверенность передавалась не логическими заключениями, а передачей этого чувства и сознания. И я думаю, что, да: *вера от слышания, и слышание от слова Божия*, но не просто от того, что это слово произносится.

Когда мы говорим о Божием слове, конечно, есть другой момент, а именно, что действительно Евангелие — это Божие слово, к нам обращенное, и в нем лежит та сила оживлять, пробуждать вечность в нас, которая была в словах Спасителя, когда Он проповедовал на земле; была она и у Его учеников. И в этом смысле, читая Евангелие, мы можем вдруг встретиться с ответом. Есть древнее слово о том, что красота — убедительная сила истины; и вот когда мы читаем Евангелие или когда мы слышим проповедь, если мы можем всем нутром воскликнуть: какая красота, как это прекрасно! — это значит, что до нас это дошло и что мы приобщились к этой истине. Если эта истина остается только логической, умственной, головной — она еще не наша, мы еще к ней не проснулись, не ожили. И вот в этом смысле, когда вы говорите, что мы можем поверить, слыша свидетельство других людей, — конечно! Кто из нас пришел к вере таким чудом, как обращение апостола Павла? Но слыша слово, которое звучит правдой, которое раскрывает в нашей душе чувство красоты, которое нам передает смысл, какого мы раньше не знали, мы приобщаемся хоть краешком души к опыту говорящего или к коллективному, если хотите — к соборному опыту Церкви, который выражается данным человеком. Но это не легковерие; недостаточно сказать: я такого-то человека уважаю, наверное, то, что он говорит, — правда, и поэтому я становлюсь верующим... Мы можем быть разбиты диалектически и верующими не стать. И я могу вам привести в пример то, что случилось лет тридцать тому назад в России.

Молодой человек, студент, снимал комнату у одного священника. Он был убежденный юный безбожник; священник был умный, образованный человек, они вели бесконечные диспуты, и в конечном итоге студент оказался без аргументов, был диалектически разбит. Из этого он сделал умственное заключение: раз он умственно разбит, то он **должен** стать верующим. Он крестился, пошел в богословскую школу, стал священником, стал преподавать богословие и через несколько лет вдруг обнаружил, что он **не** верит в Бога, — что у него отняли его убеждение безбожника, но не дали веры. И он ушел и снова стал пропагандистом безбожия.

Вот в этом смысле быть убежденным умственно — и недостаточно, и никуда не ведет, если к этому не прибавляется какой-то внутренний опыт, какое-то преображение, какое-то раскрытие. И это случается у нас различно. У каждого из нас есть какой-то зачаточный опыт веры; общаясь с другими людьми, чей опыт веры не совсем одинаков, но схожий, мы обогащаемся теми элементами религиозного опыта, которого у нас нет; и поэтому к сердцевине той веры, опытной, живой, которая является **моей**, прибавляется еще нечто, что я могу принять, потому что оно созвучно тому, что я уже знаю как истину и как красоту. Это — опыт семьи, это опыт прихода, это опыт Церкви определенной эпохи и Церкви в глубине веков. И в какой-то момент к этому еще прибавляется нечто другое; в каждом из нас есть частичное **знание** о Боге, которое восполняется только одним, как говорится в Евангелии: *Бога никто не видел, но Сын, покоящийся в недрах Отчих, Тот нам Его явил* ... В конечном итоге, получая слово друг от друга, мы доходим до предела, где никто из нас не может сказать последнего слова: это слово говорит Христос. Но Он не только словом говорит, — Он **есть** Слово.

Скажите, пожалуйста, хотя бы в двух словах: как соотносится свобода человека и Промысел Божий?

Свобода — неизбежное условие взаимной любви. Святой Максим Исповед-

ник говорит, что Бог может сделать все; одного только Он не может сделать: заставить человека Его любить, потому что любовь должна быть свободным даром. Поэтому свобода — абсолютно основоположное состояние для мира. Бог есть любовь, Он Себя отдает до конца и открывает Себя нам так, чтобы и мы могли принять Его до конца, а принимая Его до конца — и себя Ему отдать. Поэтому наше представление о свободе как о возможности порой хладнокровного головного выбора — уже греховное состояние. Состояние, при котором я могу хладнокровно выбирать между жизнью и смертью, между добром и злом, между Богом и Его противником — уже не свобода, не та царственная свобода, о которой говорится.

И в этом разрезе интересны слова, которые обозначают свободу. Латинское слово libertas, которое дало столько ответвлений по политической линии, — это состояние перед законом ребенка свободнорожденного от свободных родителей. Он от рождения самовластен, свободен, принимается как свободный гражданин; а вместе с этим, говоря уже практически, он может эту свободу осуществить, только если он над собой имеет власть и не является жертвой своих желаний, своих страстей, своих страхов и т.д. Значит, это зачаточное положение, в котором человек рождается свободным, может быть удержано только **подвигом** верности этой свободе, верности своему достоинству.

Второе слово, которое в этом смысле важно, интересно, это английское freedom, немецкое Freiheit: они оба происходят от санскритского слова, которое как глагол означает «любить» или «быть любимым», а как существительное — «мой любимый» или «моя любимая». И это указывает на то, что полнота свободы, сущность свободы — такая взаимная любовь, которая не ограничивает, не притесняет, не порабощает, не съедает как бы другого, а его выпускает в полноту бытия. Поэтому, когда мы говорим о свободе, мы говорим именно об этой свободе. И очень интересно, что в книге пророка Исаии, в отрывке, который читается под Рождество об Эммануиле, о Сыне, Который родится от Девы, сказано, что раньше чем Он сумеет различить добро от зла, Он безоговорочно выберет добро, потому что Он рождается незапятнанный грехом и поэтому притяжения к греху у Него нет.

Теперь что касается человека и Промысла Божия. Мы живем в мире, который оторвался от Бога, который изуродован и в котором Бог действует, но ограничен нашей свободой. Он свободно, по любви, дает нам возможность быть тем, что мы есть. Есть на этот счет выкладка Хомякова (хотя очень сомнительная филологически), где он выводит слово «свобода» от двух славянских корней, которые значат «быть самим собой»; но в конечном итоге оно так и есть, даже если это филологически никуда не годится. Человек, с одной стороны, бывает призываем Богом, с другой стороны,

бывает прельщаем сатаной. Бог человека призывает к любви, не обещая ничего, кроме любви, как бы не подкупая его ничем; сатана его призывает только обещаниями, которые каждый раз оказываются лживыми и которые каждый раз возобновляются: «согреши снова, потому что ты не догрешил; если бы ты догрешил, все было бы хорошо...» И кто-то из отцов Церкви говорит, что человек стоит между этими двумя волями: призывающей к жизни волей Божией и призывающей — но прикрыто — к смерти со стороны сатаны. И его, человека, роль совершенно решающая, потому что от того, как он выберет — и судьба мира меняется. Поэтому соотношение человеческой свободы и Божьего промысла в том, что Бог человеку подсказывает его совестью, подсказывает словом Священного Писания, подсказывает людьми чистой жизни, подсказывает обстоятельствами жизни все время: Вот путь жизни... И от нас зависит выбрать его или нет; **заставить** нас Бог не может. Но в результате того, что мы так неуверенно и колеблющеся действуем, происходит, совершается воплощение Сына Божия, Который входит в этот мир, приобщается к нашей тварности, приобщается к ограниченности нашей тварности, порожденной грехом, не приобщаясь к греху, но приобщаясь к сломанности какой-то, и соучаствует во всей трагедии человека.

Что значит: *«Бог производит в нас хотение и действие по Своему благоволению»* (Флп.2,13)?

Дух Святой в нас действует, зовет, возбуждает наше действие и всегда раскрывает перед нами путь жизни; но в какой-то момент решение за нами: принимаем мы или не принимаем, выбираем мы «за» Бога или «против» Него? Или просто коснеем, даже не выбирая ничего, а колеблясь так, что мы все равно ничего не совершаем? Но все, что в нас есть доброго, все, что в нас есть предельно живого, — это от воздействия Божия.

По моему пониманию, человек достигает настоящей веры с помощью благодати Божией. Приходилось видеть людей, которые всю жизнь ходили в церковь, молились, искали Бога и страдали от этой жажды, тоски по Богу...

У меня на это есть очень определенное убеждение; но то, что это мое убеждение и что оно определенное, совершенно не значит, что это — правда. Поэтому я вам скажу, как я это воспринимаю. Человек не является как бы отдельной бусинкой, нанизанной в ожерелье. Мы все являемся продолжением предыдущих родов и наследуем и добро и зло; каждое поколение передает следующему то, чего оно достигло, и то, чего оно не смогло достигнуть. И мне кажется: бывает, что целый ряд поколений готовит веру, которая расцветет в одном человеке. Если вы возьмете, например, родословную Господа Иисуса Христа. Она не написана для нашего любопытства, она не написана из генеалогических соображений, а она о чем-то говорит. Если вы прочтете и оставите в стороне все имена, которые ничего не говорят никому, потому что ничего нельзя о них в Ветхом Завете найти, вы увидите, что там есть ряд святых и есть ряд определенных грешников. У этих святых и этих грешников одно общее: падали ли они или восставали, они всецело, со всей убежденностью, со всей силой своей души и воли хотели служить Богу, даже когда они срывались и не могли этого осуществить. И это их желание, эта их устремленность, эти их усилия, удачные или сорванные, постепенно складывались вместе в поток, приведший в какой-то момент к рождению Пречистой Девы Богородицы, Которая в Себе соединила все прошлое и довела до совершенства, отдав все это

Богу; и из Нее родился Спаситель Христос.

Я хочу вам сейчас дать один-другой образ, которые просто меня поразили в какой-то момент жизни. Когда мне было лет девятнадцать, я встретил одного священника, очень странного, которого я спросил (не объясняя ему, почему я спрашиваю, потому что мой вопрос должен был прозвучать так: «Каким образом вы, такой тронутый, решили стать священником?»): «Можете ли вы мне объяснить, почему вы стали священником, отец Михаил?» Он мне ответил: «Да: потому что один из моих предков совершил убийство». Моя реакция на это была в мыслях: в таком случае лучше бы тебе священником не делаться; и я его спросил, как это у него связывается. И он ответил: «Потому что я унаследовал от этого своего предка всю его человечность, я ее принимаю на себя, и я всё принес Богу в дар, став священником. В моем священстве этот мой предок принесен Богу в жертву живую; он оправдан в этом моем священстве»... Я два раза сталкивался с вещами, которые сродни этому, в каком-то смысле. Я помню одну старую женщину, которая мне говорила, что ее смущает, что к ней приходят мысли, искушения, сомнения, которые всецело ей чужды; у нее такое чувство, что она тут ни причем. И когда мы начали докапываться до причин, до ее родителей и близких предков (очень-то далеко не зайдешь), то оказалось, что каждый раз, как то или другое находило на нее, это было искушение, или состояние, или греховность, или что-то, что можно было найти в жизни одного из ее предков.

Это очень страшно: мы как бы связаны настолько с нашими предками, что не можем из этого выйти...

Нет, можем выйти: вы сделайтесь настоящим человеком — и ваши предки в вас оправданы. Мы можем их потопить, но мы можем их и вознести; и в этом громадная надежда. Потому что если бы речь шла только о том, чтобы спасать свою шкуру для вечности, оно, может быть, и стоило бы, но стоило бы не много; а если думать, что от того, что я делаюсь настоящим человеком, все поколения до меня находят какое-то восполнение, что я одним шагом их ввожу глубже, глубже в вечную жизнь, то это совершенно другое дело, для этого стоит жить. Может быть, слово это немножко громкое, но как бы «во искупление» или «во славу» тех, кто жил до вас, до меня, до каждого из нас. Это мои выкладки, это не святоотеческое учение, кроме того, что я сказал о родословной Христа, — это твердое святоотеческое учение. А то, что я сейчас рассказывал, это то, что мне пришлось в жизни встретить, и то, что, складываясь вместе со святоотеческим учением о родословной Христа, для меня приобрело очень живой смысл.

Я не знаю ярко Христа. У меня была глубокая тоска по Нему, я решила креститься, и осталось то же самое. Если бы меня спросили: «Какой ваш Христос?», — я бы ничего не могла сказать, в этом смысле мое свидетельство о Нем было бы очень бледным, и меня удивляет, что можно жить относительно серьезно со Христом, в то же время не зная Его. И я решила спросить: как Вы Его знаете?

Здесь несколько разных моментов. Первое: в житиях святых мы находим целый ряд примеров, когда Господь, видя крепость души того или другого подвижника, допускал в нем эту пустоту, ему доверял эту пустоту, это подвиг верности без доказательств. Один пример, который мне стелется на годы и годы, это рассказ из жизни святого Антония Великого. Он как-то был искушаем, и день за днем боролся и боролся с искушением, кричал к Богу о помощи, и никакой помощи не было, и никакого чувства Бога не было. В конечном итоге он победил искушение, но в изнеможении упал на голую землю и лежал без сил. И в тот момент Христос ему явился. Антоний на Него посмотрел и говорит: «Господи, где же Ты был, когда я был в борении?» И Христос ему сказал: «Невидимо стоял рядом с тобой, готовый тебе помочь, если бы только ты потерял мужество». И в этом смысле, отсутствие живого опыта — это знак Божьего доверия к нам, к нашей верности.

Если говорить обо мне, то я должен к своему стыду сказать, что моя вера основана на чем-то, что мне сделало все легким, и поэтому мне скорее должно было бы быть стыдно, чем наоборот, кичиться нечем. Лет до пятнадцати я о Боге ничего не знал: я слышал это слово, знал, что об этом говорят, что есть люди верующие, но в моей жизни Он никакой роли не играл и для меня просто не существовал. Это были ранние годы эмиграции, двадцатые годы, жизнь была нелегкая, а порой очень страшная и трудная. И в какой-то момент настал период счастья, период, когда не было страшно. Это был момент, когда впервые (мне было 15 лет) бабушка, мать и я оказались под одной крышей, в одной квартире, вместо того чтобы скитаться и не иметь собственного крова. И первое впечатление было блаженство: это — чудо, счастье... А через некоторое время меня объял страх: счастье оказалось бесцельным. Пока жизнь была трудная, каждый момент надо было бороться с чем-то или за что-то, каждый момент была непосредственная цель; а тут, оказывается, никакой цели нет, пустота. И я пришел в такой ужас от счастья, что я решил, что, если в течение одного года не найду смысла в жизни, я покончу с собой. Это было совершенно ясно. В течение этого года я ничего особенного и не искал, потому что не знал, ни где искать, ни как, но со мной нечто случилось. Я присутствовал перед постом на беседе отца Сергия Булгакова. Он был замечательный человек, пастырь, богослов, но с детьми он никак не умел говорить. Меня убедил мой руководитель пойти на эту беседу, и когда я ему сказал, что я ни в Бога не верю, ни в священника, он мне сказал: «А я тебя не прошу слушать, — просто посиди». И я сел с намерением не слушать, но отец Сергий говорил слишком громко и мне мешал думать; и мне пришлось слышать эту картину о Христе и о христианине, которую он давал: сладкую, смиренную и т.д. — то есть все то, что в 14-15 лет мальчику не свойственно. Я пришел в такую ярость, что после беседы поехал домой, спросил у матери, есть ли у нее Евангелие, решив проверить, так это или нет. И решил, что если я обнаружу, что Тот Христос, Какого описывал отец Сергий, это Христос евангельский, то я с этим кончил. Я был практический мальчик и, обнаружив, что есть четыре Евангелия, решил, что одно непременно короче, и поэтому выбрал читать Евангелие от Марка. И тут со мной случилось нечто, что у меня отнимает всякое право превозноситься чем бы то ни было. Пока я читал Евангелие, между первой и третьей главами, мне вдруг стало **абсолютно**, совершенно ясно, что по ту сторону стола, перед которым я сижу, стоит живой Христос. Я остановился, посмотрел, ничего не видел, ничего не слышал, ничего не обонял — не было никакой галлюцинации, это была просто внутренняя совершенная, ясная уверенность. Помню, я тогда откинулся к спинке стула и подумал: Если Христос, **живой**, передо мной, значит, все, что сказано о Его распятии и воскресении, — правда, и значит, правда и все остальное... И это был поворот в моей жизни от безбожия к той вере, какая у меня есть. Вот единственное, что я могу сказать: мой путь не был ни умственный, ни благородный, а просто почему-то Бог спас мою жизнь.

ДИАЛОГИ

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ

- Я НЕ ЧУВСТВУЮ, ЧТО В ЦЕРКВИ ЭТО ПРОИСХОДИТ

Родители крестили меня в младенчестве, в школьные годы я иногда заходила в церковь — было просто интересно...

Когда я уже была замужем, в семье случилось несчастье — и это был активный период, когда я действительно обратилась к Богу. Потом постепенно все во мне стало затихать.

Не могу сказать, что у меня нет такой потребности. Просто я не чувствую, что в церкви что-то такое происходит. Что именно здесь — место общения с Богом. Ведь богообщение может происходить в любом месте. Скорее даже — в любом другом месте. Я честно ходила и старалась что-то в себе пробудить, но нет, не то место.

Сама служба очень замысловатая, непонятно, для чего все так сложно, когда нужно основное, и его можно выразить простыми словами. Присутствие людей тоже мешает общаться с Богом — мне всегда казалось, что это дело интимное. Как добрые дела надо делать не на виду, а чтоб никто не знал.

Вообще не могу сказать, чтобы я совсем не старалась и быстро все попытки бросила. Я и службу стояла, и причащалась, но никакого ощущения все равно не появлялось.

Но я знаю людей, которые очень исправно в церковь ходят и все соблюдают по форме и от других требуют, а по сути они так далеки от христианства!..

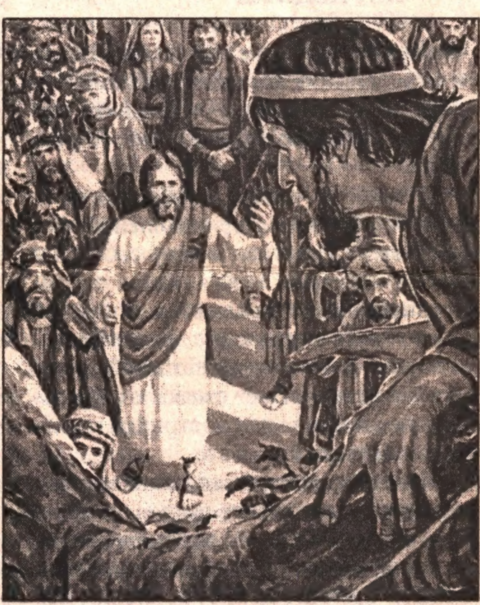
Вообще мне кажется я к Православию уже не вернусь, все эти попытки остались позади навсегда. Не то чтобы мне не хотелось иметь такое место, куда можно придти и душу открыть... Каждому хочется, наверное. Но как представишь себе: ну приду я — и что?

Ольга, г. Москва.

— ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

Лев Толстой говорит где-то, что писатели обычно завершают дело свадьбой, словно тут и кончается вся драматическая часть сюжета. Уже имевший к тому времени опыт семейной жизни, он утверждает, что бросить молодую чету в такой ответственный момент — все равно, что оставить их в пещере людоеда. Потому что драматическая часть сюжета тут именно и начинается.

Точно так же люди нецерковные воспринимают приход в Православие (крещение или воцерковление) как некий завершающий момент, как свадебку, после которой можно жить-поживать и добра наживать. Но люди православные и церковные, если у них, конечно, все всерьез, отлично знают, что тут-то все и начинается. Что там, за дверью, не концертный зал, где ты наслаждаешься божественными звуками (хотя и это бывает), а, грубо говоря, спортзал, где ты постигаешь приемы самбо. И регулярно бываешь бит, часто разочарован, обессилен. И хочется найти виноватого: тренер плохой, товарищи неудачные попались, свет в глаза бьет и вообще ты может быть попал не в ту секцию.

У каждого из нас и без того есть тысяча и один повод не ходить в храм. Мы можем, например, искать себе приход по душе. Выбирать его, как разборчивая невеста жениха, мечтать о каком-то необычайном, задушевном, благоустроенном и прекрасном приходе. В деревне в голову никому не придет в чужой храм ходить — которого звон слышишь, тот и твой. Это чисто городское искушение. Очень хочется на готовенькое. Знаю, сама такая. Свой-то храм в руинах, хор никудышный, батюшка читает с ошибками — так где бы найти получше. До того неохота все эти проблемы и нестроения на свои плечи принимать..! Слава Богу, есть посмелее люди, пришли и приняли без разговоров. Уже заметно лучше стало.

С батюшкой и ошибками вообще беда. Не создает молитвенного настроения — ну что ты будешь делать!

Единственный способ — службу знать хорошенько, да и читать ее внутри себя как следует. Интересно, все те люди, которые вокруг стоят — они на память знают или совсем не слушают? Если совсем не слушать — трудно достоять до причастия. А разбирать слова на слух, не зная наперед — да на славянском, да дикция плохая, да акустика неважная...

Первое, что в свое время я разобрала (услышала) во время службы, была просительная ектенья. Даже дух перехватило, до того это было здорово! *«Ангела мирна, верна наставника... у Господа просим». «Христианской кончины живота своего, безболезненной, непостыдной, мирной, и доброго ответа на Страшном Суде...»*

Молиться, конечно, и дома можно. Как говорит Феофан Затворник: *«Найдите место в сердце и там беседуйте с Ним. Это — приемная зала Господня. Кто ни встречает Господа — там встречает Его. И иного места он не назначил для свиданий...»*

Но только дома-то у нас какая будет молитва? *«Господи, дай мне то и это, исцели, сохрани...»*, редко-редко *«наставь на путь»*, почти никогда — *«Благодарю Тебя, Господи?»* О «богохранимой стране нашей», «о плавающих и путешествующих» или о тех, которые в темницах, в голову не придет помолиться — успеть бы собственные нужды изложить

Служба-то церковная — она нам навырост скроена. Да и все Православие нам очень сильно навырост. Именно поэтому о нем по нас судить не стоит. Ни по мирянам, ни по священнослужителям, ни по монахам.

В том-то его и сила, что мы Православие под себя перекроить не можем. А то бы уже давно искромсали да маленьких кафтанчиков нашили. Каждый не прочь себе что-нибудь поудобнее смастерить.

Но оно так устроено, что никак не

перекраивается и не упрощается. Потому и стоит тысячу лет.

Наталья, г. Москва

ДИАЛОГ ВТОРОЙ

— ТЯЖЕЛО В ЦЕРКВИ...

Решила написать вам. Просто рассказать о себе, о своей внутренней боли и о том, что другие не видят, о том, о чем не с кем поговорить.

Совсем недавно я начала ходить в церковь. Одна женщина сказала мне: сходи в церковь на службу. Пошла. Както и идти-то особо не хотелось, и побаивалась, и вообще неспокойно на душе было, но все же пошла.

Зашла в церковь, только переступила порог (служба уже началась) и тут меня как прорвало — расплакалась. Не знаю, да и не объясню — почему, сама даже не понимаю — стояла и плакала. Не могу сказать, что в этот момент поняла я, осознала, что это именно то, что я искала и т.д., нет, совсем даже наоборот — ничего-то я не думала, просто стояла и плакала, никого и ничего не замечая вокруг.

Это было в первый раз. Где-то через недельку пошла опять, потом еще заходила и под конец службы, ходила и к началу. И тут-то началось самое интересное.

Немного сделаю отступление. Город у нас небольшой и действует только один храм, который основном посещают старушки.

Вообще я бабушек очень даже люблю, и мне всегда представляются они таким ласковыми и приветливыми. И как же желала душа моя увидеть эту ласку и ко мне — только что переступившей порог Православного Храма. Но началось с обратного: одна из бабушек грубо меня толкнула, когда я пошла ставить свечку «в неположенное время», другая отчитала за то, что я встала на ее место, третья на мое «здравствуйте» сказала, что в церкви так не говорят. И много всяких таких мелочей, которые буквально обрушились на меня...

Там, где я ждала только добра и привета, особенно к молодежи — ведь молодые-то почти не ходят — получаю совершенно обратное. И возникает извечный вопрос: «Что делать?» Многие говорят: «Как хорошо в церкви, зайду и просто душой отдыхаю». А я о себе совсем не могу так сказать. Какой-там отдохнуть душой — иду и только думаю, как бы правильно-то все сделать — куда нужно встать, где нужно перекреститься. Да еще и ноги устают по три часа стоять, а сидеть как-то неудобно.

Вы, наверное, скажете, как и все говорят, не нужно на мелочи обращать внимание, слушай, что читают, внимай пению и т.д. Но, дорогие мои, если читают непонятно, если поют и тут же спорят, если подойти к священнику я просто боюсь, если кругом эти самые «если» и ничего с собой поделать не могу. Буквально страдаю от всего этого.

Как-то один раз решила — все, сегодня не пойду, а потом все же пошла. Да и вот сейчас думаю, а может, все это нужно просто пережить, как говорят. Не знаю"...

Галина, Казахстан

— НЕ УХОДИТЕ!

Многие спрашивают: почему в православных храмах не ставят скамеек, как в католических костелах. На самом-то деле, иногда ставят — в Америке или других западных странах. Но это редкость.

Думаю, не ставят, чтобы подчеркнуть особый характер отношений православных христиан между собой и с Богом. Недаром ведь главная православная служба называется литургией — это слово в переводе с древнегреческого означает «общая работа». Когда-то «выйти на литургию» означало собраться «всем миром» для постройки корабля, возведения стен и т.д.

В лексиконе девятнадцатого века появилась фраза «выолушать» — молебен, обедню и т.д.. Но потом она вновь исчезла, потому что не выслушать, и даже не отстоять службу приходим мы. (Кстати, найти стул или скамеечку и посидеть очень уставшему или больному человеку можно сейчас практически в любом храме — только не в центре церкви, а у стены или в притворе).

Однако мы приходим не отстоять. Мы приходим, чтобы вместе потрудиться, чтобы своим участием в богослужении превратить наше церковное здание как бы в огромный корабль, устремленный к Богу. Но для этого нужны не места «в партере» — нужна палуба. Мы когда молимся, когда священник обходит с кадилом наш храм — все по-особенному движемся, наклоняемся, крестимся, слушаем обращенные к нам призывы, выстраиваемся ко Кресту и Чаше, собираемся у иконы или поминального канона, поем «Символ веры» и «Отче наш».

Мне посчастливилось несколько раз находиться в алтаре во время литургии, и это «корабельное» ощущение утвердилось в моей душе.

Иногда эту ассоциацию перебивало обманное ощущение: будто находишься в совершенно отдельном от остального храма месте. Такая тишина, пение хора приглушено, молитвы — другие, чем за алтарной преградой...

Но вдруг поразит самая поза священника. Даже если он стоит лицом к Престолу (и значит, спиной к стоящим вне алтаря), он все равно — затылком, спиной — не перестает напряженнейше следить за всеобщим ходом литургии.

Вдруг заметишь, как остро среагировал он на сбой в пении хора или чей-то посторонний разговор «там», за стеной. Как он занервничал, когда в «открытой» — общей, и «тайной» — алтарной — службе произошел разлад. И понимаешь: так же капитан, стоящий на мостике или рядом с рулевым волнуется, если его команда подняла не те паруса!

Понимаешь, что храм наш, корабль наш — един, и каждый выполняет на нем какие-то свои обязанности, где бы он ни находился — на палубе или у штурвала.

- Легко ли нам служить матросами? Легко ли быть на палубе? Легко ли отстоять вахту? — мы и сетуем-то по-матросски, когда жалуемся на тяжесть церковной службы.

- Но — легко ли войти в Царство Небесное — помните Евангелие? Разве Христос говорил, что будет легко? Напротив: Он как раз предупреждал о трудностях, даже об опасностях. Даже о возможной катастрофе...

Однажды каждому из нас приходит в голову мысль:

«Уйду с корабля. Не буду больше ходить на службу, где даже не гарантирована награда, где только обнадеживают». И кто-то (а может быть, твой близкий друг или родной человек?) уходит.

Ты глядишь туда, где он скрылся — и видишь только волны, только тяжелые темные волны, до горизонта... «Куда же он?..» И чувствуешь резь в глазах — щуришься, неужели слезы? Ты вдруг видишь, как над мачтами корабля, по небу, летит птица. Птица — значит где-то рядом (уже совсем рядом), была земля. «Вернись, плыви обратно, земля, скоро земля!»

Звучит новая команда. Люди, толкаясь, спешат на свои места. Паруса наполняются ветром. И корабль плывет.

Прошу вас, не уходите...

Владимир, г.Москва

www.fomacenter.ru

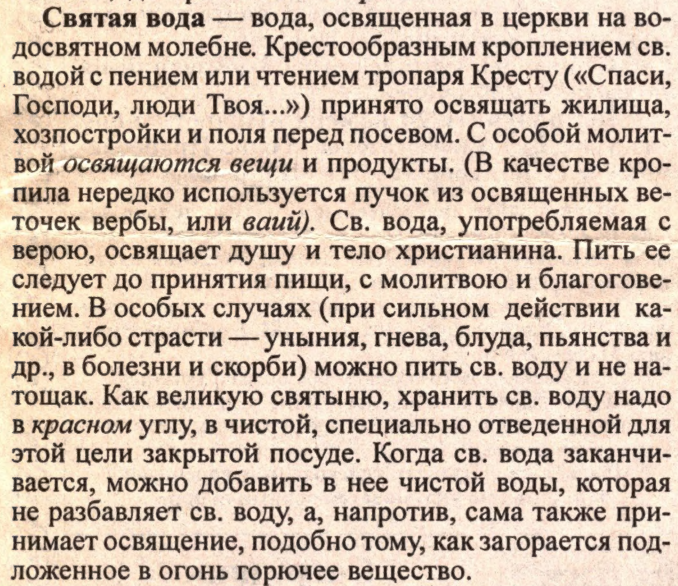

Продолжение, начало в №39(208)

Свещеносец — церковнослужитель, выносящий высокий подсвечник с возжженной свечою на *входах*, при чтении Евангелия и в других случаях. Обычно эту обязанность выполняет *алтарник.*

Свещной ящик — так по-старинному называется лавочка в храме, в которой продаются свечи, иконы, книги, подаются записки.

Связка — высокий, островерхий, с ниспадающим по спине покровом головной убор в женском монашестве. Носится в *новоначалии,* до принятия *пострига.*

Святая вода — вода, освященная в церкви на водосвятном молебне. Крестообразным кроплением св. водой с пением или чтением тропаря Кресту («Спаси, Господи, люди Твоя...») принято освящать жилища, хозпостройки и поля перед посевом. С особой молитвой *освящаются вещи* и продукты. (В качестве кропила нередко используется пучок из освященных веточек вербы, или *вайй).* Св. вода, употребляемая с верою, освящает душу и тело христианина. Пить ее следует до принятия пищи, с молитвою и благоговением. В особых случаях (при сильном действии какой-либо страсти — уныния, гнева, блуда, пьянства и др., в болезни и скорби) можно пить св. воду и не натощак. Как великую святыню, хранить св. воду надо в *красном* углу, в чистой, специально отведенной для этой цели закрытой посуде. Когда св. вода заканчивается, можно добавить в нее чистой воды, которая не разбавляет св. воду, а, напротив, сама также принимает освящение, подобно тому, как загорается подложенное в огонь горючее вещество.

Святая Земля — так называют *Палестину* — землю, освященную жизнью Господа Иисуса Христа.

Святая Троица — Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой — Единый Бог в трех Лицах, или Ипостасях, равнославных, равновеликих, не сливающихся между Собою, но и нераздельных в едином Существе. Отец — не сотворен, не создан, не рожден; Сын — предвечно **рождается** от Отца; **Св. Дух** — предвечно от Отца **исходит.** Тайна троичности Бога недоступна человеческому разуму. Некоторым видимым примером, отдаленным подобием Ее может послужить солнце — его круг, свет и тепло.

Святейший, Святейшество — титул *Патриарха.*

Святитель — 1) Святой, служивший Богу и Его Церкви в архиерейском сане. 2) Так же именуется вообще *архиерей.*

Святки — двенадцать праздничных дней от *Рождества* Христова до навечерия *Богоявления.* В эти дни отменяется пост в среду и пятницу. Гадания и суеверные обычаи, принятые на святки в некоторых областях и происходящие от древних языческих обрядов, осуждены Церковью уже на VI *Вселенском Соборе.*

Святой Дух — третье Лицо *Святой Троицы,* истинный Бог, единосущный и равнославный Отцу и Сыну. Вне времени исходит от Отца и имеет все Божественные свойства — всеведение, вездеприсутствие, всемогущество, творение и промышление о мире. Действием благодати совершает возрождение и спасение душ и управляет Христовой Церковью.

Святость — состояние *обожения,* т. е. такого полного соединения человека со Христом, а с Ним и в Нем — со Отцом и Св. Духом, при котором он, оставаясь человеком по естеству, становится освященным и преображенным вселившейся в него Божественной *благодатью,* неотступно пребывающей и действующей в нем и чрез него.

Святоотеческие Писания — творения *святых* отцов Православной Церкви, называемые еще Святыми Писаниями. Во избежание духовных ошибок, чтение христианином писаний святых отцов и мера следования им должны соответствовать мере его духовного возраста.

Святотатство — посягательство на священные предметы и принадлежности Церкви.

Святые — лик мужей и жен, благоугодивших Богу в том или ином роде жительства и подвига и причисленные Православной Церковью к лику святых, т. е. *канонизированные.* К ним относятся *праведные, преподобные, святители, патриархи, мученики, пророки, апостолы, благоверные, блаженные, бессребреники, исповедники* и *святители.* Имена их указаны в Святцах, называемых также *Месяцесловом.* Следует отличать от *подвижников,* не прославленных Церковью в лике святых. Святые почитаются Церковью не как боги, а как верные слуги, угодники и друзья Божии, совершившие подвиги и добрые дела при помощи благодати Божией и во славу Его, так что вся честь, воздаваемая святым возносится к величию Божию, прославившемуся в них.

Святые врата — 1) *Царские врата.* 2) Главные, парадные врата монастырской ограды.

Святые места — 1) В узком значении так называются места и здания в Иерусалиме и его окрестностях, связанные с событиями земной жизни Господа Иисуса Христа. 2) В широком смысле святыми местами называются вообще монастыри, храмы, часовни и места, имеющие какие-либо особые святыни (мощи, иконы, чудотворные источники и т. п.), а также места, связанные со священными историческими событиями.

Продолжение в следующем номере

ПРОДОЛЖАЕТСЯ РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА 2002 ГОД!

Дорогие наши читатели! С радостью сообщаем вам, что Информационно-издательский отдел открыл подписку на издания Екатеринбургской епархии не только через почтовые отделения, но и через редакцию.

Для того, чтобы получать «Православную газету», а также газеты «Голос Православия» и «Покров» в запечатанных конвертах на свой домашний адрес или абонентский ящик, вам нужно всего лишь отправить почтовый перевод, оплатив стоимость подписки.

«Православная газета»

Официальное издание Екатеринбургской епархии Русской Православной Церкви. Послания Священноначалия, события церковной жизни, новости Екатеринбургской епархии, рассказы о православных праздниках и святых, творения святых отцов и современных подвижников благочестия, рубрики «Церковь и медицина», «Православное воспитание и образование», «Церковь и Армия», «Мир сект», «Детская страничка», «Братиям нашим, в узах заточенным». Взгляд Церкви на актуальные общественные проблемы. Выходит **еженедельно** на 16 полосах формата А3.

Стоимость подписки в 1 экземпляре:

на 1 месяц (4 номера) — 20 рублей. Максимальный срок подписки 6 месяцев (24 номера) — 120 рублей.

«Голос Православия»

Газета для новоначальных христиан и тех, кто хочет узнать больше о церковных праздниках, житиях святых, таинствах, обрядах и традициях Церкви. Выходит **еженедельно** на 16 полосах формата А4.

Стоимость подписки в 1 экземпляре:

на 1 месяц (4 номера) — 15 рублей. Максимальный срок подписки 6 месяцев (12 номеров) — 90 рублей.

«Покров»

Православная молодежная газета Екатеринбургской епархии. Рассказывает о том, что интересует сегодня молодежь: обзор и анализ современной литературы, творчества популярных исполнителей и музыкантов, того, что модно смотреть на видео. Злободневные интервью, острые репортажи. Рассчитана на студенческую аудиторию. Выходит 2 раза в месяц на 16 полосах формата А4.

Стоимость подписки в 1 экземпляре:

на 1 месяц (2 номера) — 10 рублей. Максимальный срок подписки 6 месяцев (12 номеров) — 60 рублей.

Для тех, кто выпишет все 3 епархиальных издания на 6 месяцев — скидка!

Стоимость комплекта из 3-х изданий на полгода — 250 рублей.

Вы получите 24 номера «Православной газеты», 24 номера газеты «Голос Православия» и 12 номеров газеты «Покров».

Выписывайте православные газеты не только для себя, но и своим близким, родным. Вы можете также оформить подписки на больницы, школы, воинские части, тюрьмы, предприятия, где вы работаете.

Почтовые переводы нужно направлять на адрес редакции: **620014 Екатеринбург—14, а/я — 184, Байбакову Дмитрию Максимовичу.**

В талоне почтового перевода обязательно укажите:

Адрес подписчика с индексом, ФИО (или название организации), название выписываемых газет, срок подписки, количество экземпляров.

Просьба не высылать телеграфных переводов, т. к. в них не указывается обратный адрес.

«ГОЛОС ПРАВОСЛАВИЯ» №15 (272) апрель 2002 года. Выходит с 1995 года
Зарегистрирован Уральским региональным управлением Роскомпечати 04.08.95
Свидетельство №Е-1485 Учредитель и издатель — Екатеринбургское Епархиальное
Управление Русской Православной Церкви. 620086 Екатеринбург, ул. Репина 6-а. Телефон (3432) 69-75-40
Адрес редакции (для писем): 620014 Екатеринбург — 14 а/я — 184 Адрес электронной почты: baibakov@etel.ru
Редактор — Булышев Дмитрий Александрович
Набор, верстка и допечатная подготовка осуществлены на оборудовании Издательского отдела
Екатеринбургской Епархии. Тираж 10 тысяч. Распространяется через церковные киоски. Цена свободная.
Отпечатано в ГОУП «Березовская типография». 623700, г. Березовский, ул. Красных Героев, 10.
При перепечатке, ссылка на газету обязательна. Подписано в печать 12.04.2002 Заказ №1571.